

УДК 130.2

«Талант высокой простоты»: В. Шукшин в итальянской культуре

Стопченко Николай Иванович

Доктор культурологии, профессор,
Южный Федеральный университет,
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105;
e-mail: nikis.don@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена восприятию творчества В. Шукшина в итальянской культуре, открывшей первую страницу в истории мирового признания русского кинематографиста. Он вошёл в сознание итальянского общества как классик русского рассказа и русского кино – «писатель-режиссёр», как блестящий продолжатель традиций, истинно народный талант, сказавший новое слово о русском характере.

Разносторонний талант Шукшина по-разному прокладывал пути к уму и сердцу итальянского общества. Киноленты – его «визитные карточки» – порождали устойчивый интерес и к писательскому наследию. Крупный успех русского художника на многочисленных кинофестивалях содействовал расширенному ретроспективному показу по центральному телевидению Италии (июль – август 1978 года) всех авторских фильмов Шукшина и его актёрского дебюта в фильме режиссёра М. Хуциева «Два Фёдора», ставшим проявлением симпатии и большого уважения к нему.

Шукшин-человек и Шукшин-художник интересовал итальянцев в «двойном» измерении: изнутри и извне. Отсюда не случайно его глубокое освоение. В каких бы жанрах и ипостасях своего дарования ни представал Шукшин, равнодушных не оставалось. Его образный, сочный язык, производящий впечатление даже в переводе и передающий богатство народной

колоритной речи, национальная конкретность темы, сюжета, характера и склада мышления народа, а также отражение быта, нравов и традиций всегда оставались объектом пристального внимания в мире.

В оценке деятелей итальянской культуры он показал необозримое многообразие народной жизни как богатство именно характеров и наивысшее проявление гуманизма. Национальное своеобразие восприятия «итальянского Шукшина» проявляется как раз в обращении к пронзительному человеколюбию, к русской классической теме «маленького человека» и проблемам изображения сельской жизни.

Историки и теоретики культуры относят Шукшина к талантливейшим представителям авторского кино, фильмы которого не случайно становятся участниками многих международных фестивалей и получают первые призы. Приход его в итальянскую культуру, органическое «врастание» его творчества в инонациональную духовную жизнь убедительно доказывают непреложную истину: художник, чтобы стать интересным, притягательным для зарубежной аудитории, должен быть, прежде всего, глубоко национальным. Авторское кино и книги Шукшина пришлись «ко двору» под небом Апеннин, где он вносят свой вклад в открытие современными итальянскими деятелями культуры русского искусства и России.

Ключевые слова

Авторское кино, писатель-режиссёр, фильмовая проза, модель поведения, главное событие года, сибирский характер, талант высокой простоты.

Введение

Россию и Италию всегда связывали богатые исторические и культурные традиции, многовековое духовное общение. Именно Италии принадлежит пальма первенства в летописи мирового признания

Шукшина-кинематографиста. На древней и прекрасной земле, воспетой сонмом поэтов и живописцев – среди них есть и русские, – он уверенно продолжал начатый в Отечестве диалог с предшественниками и современниками в искусстве кино и слова, талантливо ведя свою сольную партию.

Творческий дебют Шукшина в Италии

Главным воплощением итальянской культуры наших дней является кино, подобно тому, как в эпоху Возрождения ее воплощали поэзия и живопись. Если зарубежный дебют Шукшина-прозаика связан с публикацией раннего рассказа «Двое на телеге» (1958) в переводах на албанский, чешский, болгарский языки и последующим изданием книги рассказов на польском, то *Италия открыла миру* Шукшина-кинорежиссёра и актёра. Его фильм «Живёт такой парень» получил первый приз «Золотой Лев Святого Марка» на XVI Международном фестивале в Венеции (1964). С тех пор Шукшин как творческая личность не уходит из поля зрения итальянской аудитории.

Ныне имя Шукшина широко известно и популярно в Италии, особенно в среде творческой интеллигенции. К его многообразному наследию проявляют интерес теоретики и историки культуры, филологи-слависты, киноведы, публицисты и переводчики. Существует значительная библиография о Шукшине, на основании которой можно судить о характере вхождения в итальянскую культуру великого рус-

ского Художника. По мере появления новых авторских фильмов – «главного достижения киноискусства» (А. Моравиа) – и лент с его актерскими работами, публикацией в периодике и сборниках новых циклов рассказов, повестей и романов росла информированность о нем в различных кругах итальянского общества. С выходом в свет повести и одноименного фильма «Калина красная» (1974), участием в различных фестивалях его авторских фильмов, романов и сборников рассказов к Шукшину приходит мировая слава.

Публицист К. Бенедетти, много писавший о нем и бравший у него одно из последних интервью, справедливо отмечал его место и роль в мировом киноискусстве. «Смелый режиссёр, актёр исключительной чуткости и таланта, автор произведений, посвящённых жизни великой России, находится в центре внимания мировой кинематографии благодаря своей последней работе – фильму «Калина красная»¹.

Разносторонний талант Шукшина по-разному прокладывал пути к уму и сердцу итальянской аудитории.

1 Benedetti C. Fu interprete fedele della vita Contadina // L'Unita. – Roma, 1974. – 4 ott. – P. 7.

Киноленты – его своеобразные «визитные карточки» – породили устойчивый интерес и к писательскому наследию. Кроме Италии, Шукшин-кинематографист особенно хорошо известен во Франции, Польше, Венгрии, Румынии, Югославии. Повышенное внимание к его искусству слова проявляется в культурах Болгарии, Германии (ГДР), Чехии, Словакии, Финляндии и других странах. Географические рамки бытования произведений Шукшина постоянно расширяются.

Распространение и восприятие отечественного искусства и литературы в Италии связывается с обострённым и многообразным интересом к России, внесшей весомый вклад в мировую историю XX века прежде всего великой победой во Второй мировой войне, традиционным вниманием к богатейшей русской культуре. На этот процесс оказывают влияние различные факторы социокультурной жизни Италии: осознание несомненных достижений российской культуры советской эпохи (прежде всего в музыке, вокальном мастерстве, киноискусстве, литературе и театре); в духовной жизни прошлого столетия; движение гуманистических и миролюбивых сил за разрядку международной напря-

женности в годы «холодной войны»; за развитие традиционных культурных взаимосвязей с Россией.

Безусловно, во всех конкретных случаях дают себя знать характер прихода и рецепции творчества Шукшина в каждой стране, своеобразие его культурологического восприятия, определяющие свое видение и понимание проблем, персонажей, метода, художественного мира в целом. «Итальянский Шукшин» с его апелляцией к пронзительному гуманизму, к русской классической теме «маленького человека» и проблемам изображения сельской жизни отличается от других инонациональных интерпретаций.

Чаще всего картины отечественных мастеров попадали в то время на западный экран в рамках традиционной культурной программы, однако Шукшин нарушает сложившиеся «правила». На кинофестивале в Неаполе (осень 1975 г.) прошла ретроспектива его фильмов. Лентой «Ваш сын и брат», по мнению организатора фестиваля Л. Ронди, «Италия открыла для себя удивительного русского художника»². На фестивале неореалистического фильма в Авели-

2 Benedetti C. Nel film «Compaesani» l'eredità di Sciukscin // L'Unità. – Roma, 1975. – 13 sett. – P. 9

но (осень 1976 г.) «Калина красная» получила золотой диплом. В Милане (1977) демонстрировались «Странные люди», «Калина красная», «Ваш сын и брат». На знаменитом кинофестивале Бьеннале в Венеции (1978) и Генуе (1978) первые призы вновь присуждены Шукшину за авторские фильмы. Нет ни одной другой страны Запада, где бы так часто – почти ежегодно – проводились ретроспективы его триумфальных по резонансу картин.

Шукшин на центральном телевидении Италии

Крупный успех содействовал показу по центральному телевидению Италии (июль – август 1978 г.) всех авторских фильмов Шукшина и его актёрского дебюта в «Двух Федорах» М. Хуциева. Демонстрация работ уже известного в мире русского кинематографиста вызвала широкий отклик у специалистов и становилась событием в культурной жизни страны.

В обзорной статье публицист Н. Бруццоне по данному поводу резюмировал: «Не пропустите его фильмы, гениальные и поэтичные. Это путешествие в глубину личности умнейшего человека. Вы оцените также его тонкость в подаче дихотомии «деревня-

город»³. Шукшин явился крупным открытием на последнем кинофестивале Бьеннале, продолжал эрудированный критик, он «несомненно, один из крупнейших советских режиссёров 60-70-х годов».

Персонажи, обстановка и коллизии в лентах отражают беспокойство самого Шукшина по поводу жизненной реальности. «Голос Василия в «Калине красной» – это голос несогласия», – убеждённо полагал Н. Бруццоне, очевидно, имея в виду эстетическое кредо художника говорить правду, какой бы горькой она ни была. В истории молодого шофёра Пашки Колокольниковца в самобытной ленте «Живёт такой парень» язык комедии перерастает в нечто иное. Своим микрокосмом и определёнными моментами поведения главный герой похож на «бунтующего без причины», созданного американским актером Джеймсом Дином, но в восточном варианте, со сказками и «запрещёнными снами», с противопоставлением «маленькому буржуа» человека, идущего иной дорогой.

Многих западных зрителей удивляла повествовательная манера

3 Bruzzone N. La personale di V. Sciukscin un grande regista sovietico // L'Unita. – Roma, 1978. – 16 febr. – P. 14.

фильма, его метафорическая насыщенность. Путь Пашки Колокольников — путь к реальности «певчего дрозда», ведущий через трудности и химеры его приключений. Если это и комедия, весьма показательно утверждал критик, то её можно *соотнести с целой русской нацией 60-х годов*, что еще более явно в других фильмах Шукшина. Не будем забывать и о его актёрских работах, самая последняя из которых — его участие в фильме С. Бондарчука «Они сражались за Родину», но «вершиной его как актера остается роль в «Двух Фёдорах».

Безусловно, сопоставление героев Шукшина и Дина весьма поверхностно, но ценность его в том, что оно свидетельствует о характере вхождения русского кинематографиста в итальянское сознание и культуру. Трагическая история Егора Прокудина на этом и последующих, почти ежегодных, международных форумах воспринималась при множественности вариантов прочтения довольно легко: не столько в ее нравственно-философском звучании, как в Болгарии, Польше, Венгрии, Чехии или Словакии, сколько событийно-сюжетно — как увлекательное и не лишённое определенной назидательности повествование о рас-

кавшемся преступнике. Напротив, в авторском понимании «Калина красная» — по своей сложной теме, заветной идее, художественному пафосу — это рассказ вовсе не о воре, а прежде всего о человеке с непростой судьбой и характером, о возвращении к духовным истокам.

«Калина красная» меня просто поразила, — делился с Шукшиным своим восприятием картины публицист К. Бенедетти. — Она производит очень сильное впечатление на зрителя независимо от того, кто он. Я разговаривал и с простыми людьми, и с интеллигентами. И для меня, иностранца, это изображение России такой, какая она есть. И в этом фильме, и в «Печках-лавочках». Я хотел бы понять, почему Вы открываете двери её художественного мира»⁴.

Приход крупного художника в сферу иноязычной культуры не бывает игрой случая. Начиная с 60-х годов открывается новый этап в диалоге российской (русской) и итальянской культур. В нём естественно выступает на первый план интерес к текущим событиям и явлениям художественной жизни обеих стран. Так возник «бум» М. Булгакова, неоднократно

4 Шукшин В. Вопросы к самому себе. — М., 1981. — С. 196.

переведенного на итальянский, поставленного на театральной сцене и переработанного для телевидения. Так благодаря итальянскому издателю Дж. Фельтринилли и получению Нобелевской премии прошумит история публикации за рубежом романа Е. Пастернака «Доктор Живаго». Так появлялись переводы «Реквиема» А. Ахматовой, «Архипелага Гулаг» и других сочинений А. Солженицына, произведений отечественных авторов, вошедших в культурный обиход и сознание западной аудитории.

Шукшин-рассказчик находит признание итальянцев

Шукшин-человек и Шукшин-художник интересовал итальянцев в «двойном» измерении: изнутри и извне. Отсюда не случайно его весьма глубокое освоение. «Киноволна» оживленного интереса итальянского общества к его творческой личности побудила издательство «Эдиторе Риунити», являющееся активным популяризатором русской литературы под небом Апеннин, выпустить двумя изданиями сборник избранных рассказов «Калина красная» (1977, 1978) в переводе многоопытной С. Витале. Основу его составляет ставшая знаме-

нитой в мире киноповесть о крестьянском сыне Егоре Прокудине, сценарий «Ваш сын и брат» и пятнадцать рассказов. Содержательное предисловие открывает книгу, а цветные фото из фильмов автора красочно иллюстрируют текст, давая возможность узреть шукшинских персонажей.

В феврале-марте 1978 года столичные и провинциальные деятели культуры откликнулись на появление первой в Италии книги Шукшина. Редакция газеты из Равенны, где похоронен великий Данте Алигьери, с интересом отмечала его крестьянский мир как «любимую почву», где «исследование личности, индивидуального начала в постоянной связи с природой и деревней». «Словно под впечатлением русской песни, из глубин ее выводит писатель разочарованного путника», «его герои являются носителями богатых крестьянских традиций, утраченных навсегда...»⁵.

В одной из первых рецензий на «Калину красную» публицист С. де Видович с пониманием констатировала: «Книга прозы, да ещё с предисловием – всегда приятно. О Шукшине-прозаике в Италии говорилось мало:

5 Šukšin V. Il viburno rosso // Il nuovo Ravennate. – Ravenna, 1978. – 3 febbr. – P. 8.

он больше известен как кинематографист, чем как писатель; он совмещал то и другое в своей короткой, но очень насыщенной жизни. Это первое итальянское издание предлагает достаточно полный обзор творчества Шукшина-литератора. Здесь присутствует столь любимый им мир деревни. Она воскрешена в памяти во всех своих запахах. Деревня, кажется, сама проникает в жизнь своих обитателей, участвует в ней, в судьбе этих мужчин и женщин, которым выпало быть героями историй, порой неброских, негероических, но никогда не банальных. Всегда добродушная ирония и такая доброжелательность – даже к оказавшимся на дне общества. Представление о человеческой природе, может быть, идиллическое, но в глубине его можно прочесть не только ностальгию, но и предостережение, призыв наблюдать жизнь более свободно и без предубеждения»⁶.

Под броским заголовком «Важное литературное и человеческое доказательство в рассказах *писателя-режиссера* Василия Шукшина: Трагические противоречия крестьянской России» публицист Д. Гандольфо приводил не только интересные

сведения об успехах кинематографиста на итальянской земле, но и делился раздумьями о судьбах русской крестьянской культуры. В его понимании индустриализация в советской России разрушила крестьянский мир, так как явилась целью «экономических преобразований любой ценой». Оторванность её от традиций крестьянской культуры повсюду приводила к нарушению равновесия и создавала напряженность в обществе.

Даже сегодня, утверждает Д. Гандольфо, невозможно измерить во всей полноте ту страшную цену, которую Россия заплатила за индустриализацию. С. Есенин в свое время предостерегал о духовных потерях крестьянской России. В творческой личности поэта критик видит отдаленного родоначальника литературного течения «деревенская проза», из «наиболее значительных голосов которого самый известный и любимый принадлежит сибиряку В. Шукшину»⁷.

Особенности его судьбы кажутся Д. Гандольфо и некоторым итальянским деятелям культуры сходными с жизнью, творчеством и ранней смертью литератора и кинематографиста

6 Vidovich S. Il viburno rosso // *Realta Sovietica*. – Roma, 1978. – 8 lug. – P. 8.

7 Gandolfo G. I tradici irregolari dell'eterna Russia Contadina // *Il Secolo*. – Genova, 1978. – 2 mar. – P. 8.

Пьера Паоло Пазолини (1922-1975). Высшее мастерство Шукшина как русского писателя в том, что он «придал лирическую окраску, опозитизировал драматическую ситуацию, описал её с глубиной и человечностью, где прославляются подлинные ценности русской земли»⁸.

Пазолини и Шукшин: сходство и отличие

Во всех произведениях Пазолини звучали мотивы личной трагедии художника, мятущегося буржуазного интеллигента, осознающего свои слабости, но неспособного их преодолеть. Исполненное трагическим мироощущением и острыми противоречиями его творчество, сама его фигура как прозаика, поэта, режиссера, антифашиста и демократа занимает особое место в современной культуре Италии.

Сопоставление теоретиками и историками культуры имен русского и итальянца далеко не случайно. Пазолини стал центральной фигурой итальянской культурной жизни на протяжении двадцати лет, начиная с середины 50-х годов и до трагической гибели. Постепенно он входил в сознание широкой аудитории – сначала

как прозаик, потом как поэт, а позже – как кинематографист. Итальянская аудитория знакомилась с ипостасями Шукшина в обратной последовательности. На разных исторических этапах творческого пути их многообразное дарование неизменно успевало блеснуть именно той новой гранью, которая приковывала к себе внимание читателей и зрителей, учёных-славистов и деятелей культуры.

Если у Шукшина наблюдается определенный «параллелизм» в раскрытии творческих ипостасей, то основной сферой деятельности Пазолини, начиная с 60-х годов, становится кино. Его проза с тех пор – почти исключительно сценарии. Как и Шукшин, он находил в кино страстно взыскуемую формулу и форму синтетического искусства, включающего и науку – в виде семиотических исследований по киноязыку.

Оба художника всегда придавали большое значение музыкальному оформлению своих фильмов. Во всемирно известной картине «Евангелие от Матфея» (1964) Пазолини наряду с музыкой И. Баха звучали «Замучен тяжёлой неволей» и другие русские революционные песни. Они как публицисты видели в непрерывном и неустанном движении критики истин-

⁸ Там же.

ное назначение интеллигенции и свое собственное. Поэтому особый размах приобретали их выступления в журналах и газетах, составившие впоследствии отдельные книги публицистики.

Нельзя не заметить пристрастия обоих художников к народному языку, тематике и диалектам, что позволяло им выразить национальную специфику творчества. В своих исканиях писатели не обходили вниманием и театр. Если русский находил себя в сатирических комедиях, то итальянец – в стихотворных пьесах «Обсуждение», «Пилат», «Кальдерон». Проходят годы, и всё яснее становится значение Пазолини и Шукшина для итальянской культуры.

Феномен «Калины красной»

В правомерной оценке С. Витале, Егор Прокудин – «незаурядный, охваченный жаждой жизни и в то же время угнетаемый страшными предчувствиями смерти»; «он пытается обрести желанную свободу в отношениях с женщиной, которая связана тесными узами с уже потерянным для него миром деревни»⁹. Опытный

переводчик, она чувствовала автобиографические элементы в шукшинской прозе: автор является «действующим лицом своих рассказов, оставаясь как бы за кадром». Его присутствие ощущается сразу же в несобственно-прямой речи, «лаконичной до аскетизма и в то же время доходящей до высокой патетики», когда он говорит о родной земле, но в диалогах и прямой речи «авторский дух» полностью отсутствует¹⁰.

Профессиональный интерес к Шукшину-писателю не может не проявить публицист, вслед за открытием его как кинематографиста скрывшийся под инициалами С.М.В. Персонажи автора необычны: неудовлетворенность и неповторимая индивидуальность человеческой личности. Некоторые рассказы сборника нуждаются скорее в анализе их построения, чем собственно манеры письма, другие сильны своим юмором, становящегося драматичным. «Калина красная», без сомнения, «наиболее прекрасное и законченное произведение», намечающее путь Прокудина в нормальную жизнь. Стиль в повести наиболее сухой, кинематографический, с цезурами и связками, оттеняющими без морализации «балладу о

9 Vitale S. Introduzione // Suksin V. Il viburno rosso. – Roma, 1978. – P. 8.

10 Там же.

Егоре, представляющую особый мир Шукшина»¹¹.

Сказал свое слово о его книге рассказов патриарх итальянской славистики, профессор ряда университетов и опытный переводчик Э. Ло Гатто, автор семитомной «Истории русской литературы», многое сделавший для того, чтобы по-итальянски заговорили персонажи А. Пушкина, И. Тургенева, И. Гончарова, А. Островского, Ф. Достоевского, А. Чехова и других. Большой знаток и почитатель русской культуры справедливо заявляет о пристальном внимании своих соотечественников к Шукшину-прозаику. Наиболее интересна с этой точки зрения «Калина красная», где герой предстает «исполнителем темы преступления и наказания». Маститый славист недвусмысленно намекает на связь «лебединой песни» Шукшина с идейной проблематикой романа Ф. Достоевского¹².

Зародившаяся еще в эпоху Просвещения, подкрепленная успешной национально-освободительной борьбой Рисорджименто и объединением страны в 1861 году, итальянская

славистика (русистика) по праву занимает одно из ведущих мест в Европе. Во второй половине XX века заметно активизируется и продвигается вперед изучение итало-русских и российско-итальянских культурных связей, в которых не обойдён вниманием и Шукшин.

Среди многих историков культуры и публицистов, оживленно отзывавшихся на книгу «Калина красная», выделялась своей объективностью и обстоятельностью статья П. Падовани. В ней Шукшин охарактеризован как «один из самых действенных и антиконформистских в советском обществе 60-х и 70-х годов»¹³. Его недолгая деятельность выявляла яркую индивидуальность, словно лучом высветившую многое в жизни. И не только его популярность, сколько преждевременный уход позволяли исследователям и публике оценить по достоинству его мощное дарование. В представленном сборнике прозы, утверждал знающий славист, можно проследить глубинные мотивы поисков Шукшина и оценить по достоинству результаты его исследования. За очевидной лирической направленностью, за приверженностью

11 C.m.v. Il viburno rosso // Cinema e cinema. – Milano, 1978. – 21 apr. – P. 108.

12 Lo Gatto E. Il viburno rosso // Il Tempo. – Roma, 1978. – 20 mag. – P. 9.

13 Padovani P. Gli antieroi del viburno rosso nella complessa realta sovietica // L'Ora. – Palermo, 1978. – 21 apr. – P. 18.

к колориту малого жанра, достаточно традиционному – такое «представление о советской действительности выходит за рамки, заданные схемой социалистического реализма». На переднем плане появляются персонажи, суровые, неудовлетворенные своей теперешней жизнью, с признаками внутренней дисгармонии.

Именно в силу своей неудовлетворенности эти мятущиеся характеры расширяют горизонты образа, ясного, светлого и статичного. Шукшин умело пользуется разговорной речью, убедительно создающей атмосферу простонародной среды, но в то же время далекой от старого народничества. Его персонажи – конкретные, неповторимые образы, не сводимые к общему знаменателю, но за которыми ясно прочитываются неизменные традиции, русские просторы независимо от того, в избе ли живет герой или в современном городском доме. «Шукшин открывает нам действительность менее яркую и броскую, но подлинно отражающую свое время и свою землю, открывает смело и с изрядной долей иронии, что делает из него настоящего писателя»¹⁴.

14 Padovani P. Gli antieroi del viburno rosso nella complessa realtà sovietica // L'Ora. – Palermo, 1978. – 21 apr. – P. 18.

Объективный подход к Шукшину проявляет и публицист Д. Бернардини. Он относит его к «деревенской прозе», хотя шукшинский мир иногда «не сельский, а сфера взаимоотношений города и деревни». Персонажи живые, правдивые, жизнь русской деревни описана с большой искренностью. Прокудин в глубине души добр и щедр. Среди рассказов сборника, «почти все из которых покажутся читателю блестящими», критик особо выделил «Миль пардон, мадам!» и «Срезал», а также «Стёпка» – может быть, самый прекрасный и самый загадочный у Шукшина»¹⁵.

Так на рубеже веков наследие его становилось объектом все более аналитического и углубленного исследования, подвергалось оценкам и переоценкам не только со стороны отечественной, но и зарубежной филолого-культурологической мысли. В частности, Э. Мараоне, размышляя о русском писателе, добавлял новые штрихи в «итальянский портрет» Шукшина. Важный вклад в ознакомление с его произведениями, полагал он, вносит публикация «Калины красной» в «смелом переводе С. Витале», которая сумела дать точное представление о «невозможно своеобразном»

15 Bernardini D. Il viburno rosso // Rassegna Sovietica. – Roma, 1978. – No. 7. – P. 21.

языке автора и показать это в «ценном предисловии, открывающем двери в мир Шукшина»¹⁶.

Феномен художника виделся проницательному взору публициста в учебе у великих предшественников и творческом развитии их традиций. Так, именно к А. Платонову приводили его раздумья о поэтике «прекрасной книги рассказов». Как и Платонов, В. Шукшин «не доверял поспешным реформам, не берущим в расчет человека, недооценивающим древнее наследие, родившееся в сельской глубинке; еще больше, чем автор «Чевенгура», он испытывает симпатию к людям, очутившимся за бортом жизни»... Уроки Чехова, Л. Толстого, Гоголя, Салтыкова-Щедрина ощутимы во многих жизненных историях. Не случайно «Шукшин кажется нам одним из наиболее одаренных и оригинальных писателей поколения, рождённого между двумя войнами»¹⁷.

«Итальянский портрет» Шукшина

Творческая судьба Шукшина в культурах Запада неоднозначна

16 Maraone E. Personaggi alla deriva tra città e cinto // Avvenire. – Milano, 1978. – 13 apr. – P. 16.

17 Там же.

и сложна: вокруг его произведений никогда не утихал острый идейно-политический диалог в годы «холодной войны» и после её окончания... В развитии культурных связей между Россией и остальным миром продолжают выделяться две противоположные тенденции: с одной стороны, стремление искушённых буржуазных идеологов «отстранить» русское искусство от своих народов или, по меньшей мере, дискредитировать его; с другой, – активная борьба гуманистических сил, стремящихся к плодотворным контактам, традиционному диалогу и обмену духовными ценностями.

Значительный вклад в популяризацию и объективное понимание творчества Шукшина в Италии внёс известный писатель-публицист К. Бенедетти. Ему принадлежат многие статьи о фильмах и книгах художника, с которым был лично знаком. В содержательном цикле очерков «Из Сибири» (1981) он дал несколько ценных признаний: «Больше всего меня потрясла Сибирь. Открывать её мне помогала и ваша литература. Русские писатели дали мне для понимания вашей страны больше, чем социологические и философские исследования. *Понять сибирский харак-*

тер мне помогли встречи с Василием Шукшиным»¹⁸.

Народность рассматривалась в лучших зарубежных работах как понятие многозначное, одним из компонентов которого является умение художника открывать новые жизненные пласты, новые горизонты в искусстве. Так, Б. де Марки говорил о детальном отражении быта в прозе и кино Шукшина. Он видел в нем «певца семейных устоев, каковым в наше время может быть только тот, кто умеет сохранить свои крестьянские корни, кто умеет пройти по зыбким пескам сентиментализма, избежав его при помощи иронии и юмора, которые позволяют ему легкой рукой придать сочность серьезным темам»¹⁹.

Другой публицист М. Морандини вносил в «итальянский портрет» Шукшина новые важные штрихи: в своих творческих ипостасях он — «лирический рассказчик, любящий своих героев и умеющий выразить эту любовь с тончайшим чувством психологизма»²⁰. Безусловно, главный

герой, которого Шукшин «без грима» живописал и играл, — коренной тип русской жизни, человек взыскующий, беспокойный, «странник». Пестрая панорама народных образов создает неповторимый мир, какой нельзя спутать с другим авторством, настолько он был оригинален и так властно пленял итальянцев.

Как известно, в народности творчески перспективно проявляется преемственная связь современной русской художественной культуры с классическим наследием прошлого. Высказанная в свое время надежда Л. Толстого на искусство с «залогом возрождения в народности»²¹ осуществилась в могучей ветви новой русской литературы, представляемой исключительно богатой писательской галереей — от М. Горького до В. Шукшина и мастеров «деревенской прозы». В каких бы жанрах и ипостасях своего дарования он ни представал, равнодушных не остается. Его образный, сочный язык, производящий впечатление даже в переводе и передающий богатство народной колоритной речи, национальная конкретность темы, сюжета, характера и склада мышления народа, а также отражение быта,

18 Бенедетти К. О Сибири и сибиряках // Иностранная литература. — 1982. — № 12. — С. 240.

19 Morandini M. Fuori campo: V. Sukšin. Il viburno rosso // L'Europeo. — Milano, 1978. — 10 mar. — P. 18.

20 Morandini M. Sciukscin, il viburno che parlava alla luna // Le Giorno. — Milano, 1979. — 8 lug. — P. 7.

21 Толстой Л.Н. Полн. Собр. соч.: В 90 т. Т. 61. — М., 1953. — С. 274-275.

нравов и традиций всегда остаются объектом пристального внимания в мире.

Итальянские фильмы конца 60-х – начала 80-х годов характеризуются неослабевающим *интересом к моральным проблемам*, остротой восприятия противоречий буржуазного общества. Когда итальянское телевидение знакомило всю страну с авторским кино Шукшина, Э. Ольми снимал ленту «Дерево для деревянных башмаков» (главный приз МКФ в Канне, 1979) – большое историческое полотно, тесно связанное с землей, природой, показано итальянским режиссером в свойственной ему манере – масштабно и поэтично (в фильме снимались жители провинции Бергамо). Несомненный гуманизм и демократизм Шукшина-художника, его пристальный интерес, по мнению итальянских публицистов, к классической теме «маленького человека» деревни дают основание назвать его «русским Ольми».

В суждениях о народности важен еще один аспект: единство творческой и гражданской позиции художника. «Шукшин прекрасно понимает, – убежденно констатировал У. Казираги, – что для деревни является неприемлемым, что в город-

ской жизни – лишь случайность. Но в своем творчестве, как литературном, так и кинематографическом, он никогда не разделяет эти два понятия. *Он находится в постоянном поиске диалога*»²². Критик Э. Баззарелли также фиксировал «особый взгляд Шукшина на деревню» и настаивал на том – что «его язык является носителем его философии»²³.

Расширенный ретроспективный показ авторских фильмов Шукшина (июль-август 1978 г.) по второй программе итальянского телевидения получил большой резонанс. В частности, редакция газеты «Иль Тиррено» (Ливорно) благожелательно информировала своих читателей: «Сегодня вечером – второй фильм режиссера Василия Шукшина, русского Эрманно Ольми. Неделя «Кино в доме» закончится показом ленты «Ваш сын и брат». За свою довольно короткую жизнь автор сыграл большую роль в развитии советского кино»²⁴.

22 Casiraghi U. Il ragazzo sibiriano con la macchina da presa // L'Unità/ – Roma, 1978. – 8 lug. – P. 8.

23 Bazzarelli E. A che serve l'eroe «positive»? // Corriere della sera. – Milano, 1978. – 26 febr. – P. 14.

24 Šukšin un Ermanno Olmi // Il Tirreno. – Livorno, 1978. – 22 lug. – P. 8.

Если Шукшин-прозаик известен в Италии благодаря инициативе издательства «Эдиторе Риунити», которое после публикации «Калины красной» собиралось выпустить в свет второй том новелл и роман «Степан Разин», то с Шукшиным-режиссером итальянцы знакомы через участие его лент на фестивалях. Демонстрация фильмов сегодня подтверждает, что «кино Шукшина будет чем-то новым, очень модным, но не элитарным, а доступным всем... «К поразительной новизне Шукшина, названного «крестьянским поэтом», добавляется редкая свежесть образов. *Его простоту можно считать простотой великих.* Фильмы русского режиссера понравились бы Пазолини: ведь обоих мастеров объединяет любовь к крестьянской культуре»²⁵.

Под примечательным заголовком статьи «Великий крестьянин Шукшин» публицист М. Порро предлагал свое понимание русского режиссера. Он воодушевлен показом шести фильмов «одного из наиболее страстных и ярких представителей современного кино»²⁶. Шукшин предстаёт

«одновременно великим продолжателем традиций русской литературы и новым певцом кино, влюбленным в свою землю». «Ищущий глубинные чувства человека, особенно те из них, что связаны с крестьянской жизнью, художник показывает в своих фильмах конкретный идеал в обворожительном психологическом микрокосмосе, показывает не дидактично, а с единственным желанием решать жизненные проблемы вместе со зрителем...».

За шесть недель телевизионного показа можно познакомиться с многогранной личностью этого «великого писателя кино», оценить его психологические оттенки, плавность его манеры описания, удачные кинематографические находки, в которых тонкие акценты в соединении с грустью никогда не позволяют впасть в риторику. Даже ироническая улыбка, сохранившаяся в описании обычаев и костюмов общества, происходит от «знания и сострадания».

Его персонажи обладают «глубоким и очень привлекательным жизненным зарядом». Они не располагаются поудобнее, любой ценой в поэтичном и положительном, но живут и страдают в своем собственном независимом поэтическом состоянии. Описывая «свой мир», Шукшин рас-

25 Там же.

26 Porro M. Sulsin il grande contadino // Corriere della sera. – Milano, 1978. – 8 lug. – P. 20.

сказывает обо всех, идет постоянным, зачастую трудным и болезненным путем поисков и проверок. Фильмы его, даже в своей «неправильности», «неупорядоченности», являются «актом веры в человека, идущей от традиции, но направленной в горизонты будущего. Посмотрите его фильмы – и вы станете его друзьями навсегда!»²⁷.

Публицист Т. Кецик делился с соотечественниками своим восприятием русского кино Шукшина, сделав исторический обзор знакомства с ним итальянцев. Он акцентировал внимание на том, «почему показ этих авторских фильмов считают *главным кинематографическим событием года*»²⁸. В открывавшем телевизионную ретроспективу «патетической военной истории» фильме «Два Фёдора» М. Хуциева Шукшин предстает как актёр и тем самым «задаёт ритм нескольким неделям», в течение которых будут предложены все пять авторских фильмов сибирского режиссёра.

Впервые фильмы шли на итальянском языке: он всегда хотел быть понятным максимальному числу людей. Именно поэтому показ его филь-

мов по телевидению, массовость которого не знает равных, приобретал такое значение. В литературе, режиссуре и актерских работах автор «Вашего сына и брата» продолжает думать о своих земляках, о сложных взаимоотношениях между крестьянином и городом, человеком и войной, личностью и властью. В своих работах «он дал права гражданства тем человеческим типам, которых лицемерие государства изгнало из хроники советской жизни и советского искусства».

У Шукшина нет назойливого морализирования, но всегда жизнеутверждающий юмор, идущий «прямо от Гоголя и Чехова». В том, что и как он изображает, нет искусственности или схематичности зарисовки, напротив, там «всегда пульсирующая жизнь, демонстрирующая свою неожиданность, свои трагические, странные и светлые характеры, свою неподражаемую самобытность».

Киновед И. Пинтус, представлявший телевизионный цикл «Кино Шукшина», правомерно сближал его творчество с лентами «Отец-хозяин» Тавиани и «Дерево для деревянных башмаков» Ольми в плане общего направления – возвращения к земле. Такие художники, как Шукшин, говорят от имени «проклятых землёй»,

27 Там же.

28 Kezich T. Uomo tranquillo va controcorrente // La Repubblica. – Roma, 1978. – 8 lug. – P. 8.

но в их голосе нет ненависти, а скорее спокойная уверенность в своем труде, осознание своей принадлежности к множеству «роющих землю», чей «смех и искусство оплачены потом и болью поколений».

Шукшин представляет собой тип человека неумиротворенного, жившего и работавшего против течения «больших и малых сил» в советской действительности. Его Муза, утверждал рецензент, не утешительница, она бывает взволнованной, парадоксальной и всегда горькой. «Своим рождением, неукротимой искренностью и силой таланта Шукшин дал нам возможную модель поведения: быть самим собой, не изменять предкам, не бояться сильных мира сего, не отказываться говорить правду, помнить, что жизнь и так коротка и прожить ее нужно содержательно... Но всё это пусть расскажет сам Василий по телевидению. Он может найти нужные слова, образы, анекдоты и песни, чтобы научить жить и дышать своим воздухом».

В развернутой статье «Сибирский парень с камерой в руках» публицист У. Казираги также откликнулся на культурное событие в итальянской жизни. Давая обстоятельный обзор творческого пути Шукшина-

режиссера и актера, он, как и большинство писавших о русском феномене в то памятное лето, не обходил вниманием его литературное наследство. Так, Павел Колокольников в режиссерском дебюте Шукшина «Живёт такой парень» – «деятельная натура, постоянно находящаяся в поиске смысла жизни и самого себя; он хочет найти собственную точку опоры, но очень легко находит её для других»²⁹.

По мнению эрудированного критика, «герои Шукшина – люди странные, «неправильные», чудаковатые – и потому привлекательные и жизнерадостные»... Фильм «Ваш сын и брат», может быть, вершина творчества Шукшина, это его мир, встреченный и мятежный, его радость и потрясающая сила, его мудрость». Персонажи и события ленты наводят на «серьезный разговор о социальных и человеческих отношениях».

Многие авторитетные деятели итальянской культуры относили «Странных людей» и «Калину красную» к шедеврам мирового кинематографа. Тот же У. Казираги настойчиво подчеркивал, что в первом фильме автор «превзошёл самого себя по силе

29 Casiraghi U. Il ragazzo sibiriano con la macchina da presa // L'Unità/ – Roma, 1978. – 8 lug. – P. 8.

своей фантазии и выразительности»; «искусство Шукшина – и буйное, и спокойное – полно яростных сражений и крестьянской осмотрительности, его герои – беспокойные и прямолинейные люди, очень серьезно размышляющие о смысле жизни, труде и смерти».

Публицист С. Резоагли справедливо утверждал, что «почти невозможно разделить Шукшина на писателя, режиссёра и актёра: жизнь его неотделима от творчества, его фильмы и рассказы – результат жизненного опыта»³⁰. С точки зрения поэтики, отмечал рецензент, его фильмы «характеризуются широкой гаммой красок: от торжественного к радостному, от трагического к смешному и сатирическому, от реалистического к фантастическому».

Идейно-политический диалог вокруг произведений Шукшина

Серьёзная культурологическая мысль Италии, объективно интерпретируя творчество Шукшина, способствовала расширению круга друзей русской художественной куль-

туры, содействовала дальнейшему сближению наших народов. Но чем большее распространение находила российская культура на итальянской земле, тем изощрённее в своих действиях становились в годы «холодной войны», да и сегодня, правая критика и советология, чьей задачей является фальсификация всего русского и российского на волне антикоммунизма. «В том, что итальянцы так мало знают о Советском Союзе (и о России, добавим мы. – Н.С.), не только их вина, – с сожалением фиксировал К. Бенедетти. – Итальянская пресса делает всё, чтобы «закрыть» от Италии вашу страну и обойти молчанием всё, что у вас происходит»³¹.

Известная римская газета «Паэзе сера» (1978) опубликовала рассказ писателя «Крепкий мужик» под рекламным заголовком «Неизвестный рассказ Василия Шукшина «Дьявол на деревне». Его произвольное название дано на идиллическом фоне большой, ещё дореволюционных времен фотографии, где изображён крупный крестьянский сход возле церкви в Орловской губернии. Дезинформационный смысл снимка и заголовка очевидны:

30 Rezoagli S. I contadini di Sciukscin // Avvenire. – Milano, 1978. – 8 lug. – P. 9.

31 Бенедетти К. О Сибири и сибиряках // Иностр. литература. – 1982. – № 12. – С. 241.

они призваны сыграть на религиозных чувствах итальянцев и тем самым исказить впечатление от прочитанного³².

Публицист Р. Факкани, откликаясь на сборник «Калина красная», действовал по уже апробированному сценарию. Причисляя писателя, наряду с В. Астафьевым, В. Беловым, В. Распутиным, к традициям «новой деревенской литературы», подчёркивая близость и неугасимый интерес его к миру деревни, он предвзято не хотел замечать перемен в духовной и социокультурной сфере. Более того, он стремился принизить её за счёт «изб за покосившимися заборами», «растерзанных суевериями и религиозным страхом крестьян, составляющих карикатуру на человека»³³. Словесной эквилибристикой с политической подоплёкой рецензент усердно старался исказить правду шукшинских рассказов.

Целенаправленная дискредитация российской культуры в 80 – 90-е годы и в первом десятилетии нового века становится более «утончённой», тактика – не столь лобовой: нередко говорится о заслуженном мировом признании русского писателя и кине-

матографисте. Так, по мысли У. Боццолана, Шукшину присуща «приверженность мятежным идеалам»³⁴. Для В. Мауро он даже «потенциальный бунтовщик», противопоставляющий своих «инакомыслящих героев положительным персонажам»³⁵. Но покоряющий гуманизм и правда большого Художника, искренность и сила его слова побеждают, как уже не раз бывало в зарубежной судьбе Шукшина, предубеждённость и предрассудки публициста, приводят его к определённому пересмотру своей позиции – и тогда «вырываются» у него объективные суждения.

«Автор заставляет Егора Прокудина почувствовать теплоту человеческой любви и участия, раскрывая тем самым характер русской души. Авторское видение мира, чистого, светлого, лишённого театральных фальшивых страданий, вызвало огромную симпатию зрителей; *способность так чувствовать и понимать свой народ, так любить свою родину* говорит о том, что Шукшин с пророческой точностью сумел определить назначение

34 Bozzolan U. Suksin, regista «ribelle» tra la compagna e la città // La Stampa. – Torino, 1978. – 8 lug. – P. 21.

35 Mauro W. Vasilij Suksin e la persona umana // Il Popolo. – Roma, 1978. – 10 febbr. – P. 8.

32 Paese sera. – Roma, 1978. – 8 lug. – P. 3.

33 Faccani R. Sborne e rise nei campi // Il Giorno. – Milano, 1978. – 19 mar. – P. 22.

человека, вернуть ему человеческий облик»³⁶.

Последнее замечание проницательного критика, несомненно, проливает свет на причину постоянно растущего интереса к искусству Шукшина у деятелей культуры, уставших от иррационализма, мелочности и дешевых похождениям безликих героев постмодернистской литературы и искусства. На таком фоне суровый реализм и гуманистический пафос русского художника производят сильное впечатление.

Еженедельник «Туттолибри» (1978) публикует всем памятный фрагмент из киноповести и одноименного фильма «Калина красная» – о встрече Егора с родителями Любы Байкаловой под откровенно тенденциозным названием «Когда герой – вор». Но данной неблагоприятной предвзятостью журнал не ограничивается: текст сопровождается репродукцией знаменитой картины русского художника-передвижника Г. Мясоедова «Земство обедает» (1872) под «упрощённым» названием «Обед крестьян», не давая при этом никакой ссылки на время её создания или годы жизни автора³⁷.

³⁶ Там же.

³⁷ Tuttolibri. – Torino, 1978. – No. 3. – 28 gen. – P. 6.

Как известно, тема полотна политически злободневна для своей эпохи. «Земство обедает» – одно из первых произведений не только в живописи, но и во всём русском искусстве второй половины XIX века, где прямо и резко показано бесправие пореформенного крестьянства, скрытое под либерально-благообразной формой его «участия» в местном самоуправлении. Публикация репродукции – грубая и недостойная подтасовка, ловкий трюк, рассчитанный на доверчивого итальянского читателя, который примет фальшивку за чистую монету.

Талант высокой простоты

Объективная исследовательская мысль не обходила вниманием особенностей художественного мира, традиций и новаторства, фиксировала органическое единство творческих ипостасей Шукшина. К примеру, М. Морандини откровенно заявляет: «Для тех, кто знает и так же, как я, любит фильмы Шукшина, его рассказы являются ценнейшим материалом для лучшего понимания поэтического мира этого крестьянского режиссера, певца семейного очага, умело избегающего пропитанного насквозь сле-

зами сентиментализма, используя в этих целях юмор и иронию»³⁸.

Рассказы русского писателя «не только открывают новые стороны сложной действительности», но и знакомят итальянскую аудиторию с автором, который *«лишь на первый взгляд кажется таким простым»*. Но эта кажущаяся его простота есть результат огромной работы над текстом, умение использовать различные стилистические приемы. *Талант высокой простоты...*

Бросается в глаза активная позиция М. Морандини, имеющего гражданское мужество упрекнуть те силы в итальянском обществе, что стремятся воспрепятствовать ширящемуся знакомству соотечественников с наследием Шукшина. Отнюдь не риторическим выглядит вопрос: «Сколько итальянцам удалось просмотреть фильмы сибиряка Шукшина, которые демонстрировались прошлым летом не на широком экране, а очень поспешно прошли в залах закрытого просмотра? Всего несколькими тысячам. Позор критике, открывшей Шукшина только на Бьеннале в Венеции! Его хвалили и превозносили до небес! А ведь эти

тысячи могли бы превратиться в миллионы, если бы такие фильмы его, как «Ваш сын и брат», «Странные люди» и «Калина красная» были показаны по телевидению». Становится понятным, кому обязаны эти миллионы итальянцев памятной встрече с фильмами Шукшина...

Публицист Э. Баззарелли идет ещё дальше в своих проницательных выводах: *«Шукшин еще не изучен и не открыт до конца*, его простота – лишь кажущаяся легкость. После преждевременной смерти этого талантливого человека своего времени русская культура понесла невосполнимую утрату»³⁹. Предметом его творчества, справедливо подчеркивал он, была преимущественно деревня, которая и сегодня, несмотря на те изменения, что в ней происходят, остается самой значительной и глубокой областью русской действительности. Он никогда не задавал себе вопросов и никогда не спрашивал своих персонажей, хорошо ли они себя ведут или плохо – он просто чувствовал их, наблюдал их жизнь и перемены в ней. Шукшин наделял своих героев «настоящим русским языком, обладаю-

38 Morandini M. Sciukscin, il viburno che parlava alla luna // Le Giorno. – Milano, 1979. – 8 lug. – P. 7.

39 Bazzarelli E. A che serve l'eroe «positive»? // Corriere della sera. – Milano, 1978. – 26 febr. – P. 14.

щим тонким лиризмом и сдержанной суровостью»⁴⁰.

Киновед К. Фракасси высказывает любопытную мысль о внешней типичности Шукшина, видя в этом один из элементов тесной связи с жизнью народа: «Люди, похожие на него, в России встречаются везде. И их роднит не только внешнее сходство, но и манера разговора, поведение, образ жизни. Таких, как Шукшин, можно встретить и среди интеллектуалов, и среди рабочих»⁴¹. Для лучшего понимания Шукшина-писателя и кинематографиста «его можно сравнить с Пазолини, которому также свойственны поиски в области крестьянской жизни с её контрастностью на фоне городской культуры. Оба являются большими писателями».

В этой связи другой публицист У. Казираги убежденно вводит Шукшина в контекст итальянской культуры: «Смерть его так же тяжела для России, как и смерть Пазолини для Италии, хотя между этими художниками больше различий, нежели сходства»⁴². Весьма пронцательное наблюдение!

В Италии стало хорошей традицией проводить ежегодные фестивали художественных фильмов в разных городах страны. По третьему каналу телевидения состоялся ретроспективный показ картин Пезарского форума (1980), целиком посвященного советскому кино. Киновед У. Казираги с удовлетворением отмечал, что «инициативой, достойной подражания», можно назвать предоставленную возможность увидеть абсолютную новинку – фильм Г. Лаврова и С. Любшина по киноповести Шукшина «Позови меня в даль светлую» (1978), которому итальянское телевидение «отдаёт дань глубокого уважения». Благодаря былому знакомству с его прозой и авторским кино, итальянцы «узнают в фильме те же проблемы, какие являлись достоинствами выдающегося русского писателя, режиссёра и актёра»: почерк Шукшина настолько индивидуален, что они «глубоко признательны режиссёрам за воскрешённую и светлую даль из сладкого названия фильма»⁴³.

Заключение

Прогрессивная культурологическая мысль Италии видит в Шукши-

40 Там же.

41 Fracassi C. Ne l'uomo nuovo ne il'luon Ivan // Paese sera. – Roma, 1978. – 8 lug. – P. 3.

42 Casiraghi U. Il ragazzo sibiriano con la macchina da pressa // L'Unita/ – Roma, 1978. – 8 lug. – P. 8.

43 Casiraghi U. Anche le telecamere varso al cinema // L'Unita, – Roma., 1980. – 15 giog. – P. 10.

не-художнике достойного наследника и продолжателя традиций русской классики. Мнение на сей счёт присутствует почти в каждой работе о Шукшине. Так, по верному утверждению С. Резоагли, его творческая лаборатория имеет общие точки соприкосновения с такими мастерами портрета, как А. Чехов и А. Платонов: «Их роднит внимание к броским многоговорящим деталям внешности, одежды, предметов быта»⁴⁴.

Богатый опыт Шукшина продолжает активно служить высоким задачам искусства. В частности, крупнейший итальянский режиссер Ф. Феллини в автобиографической книге «Делать фильм» утверждал, может быть, в полемической запальчивости, что между литературой и кинематографом нет ничего общего, так как они бытуют в непересекающихся плоскостях⁴⁵... С этим мнением никак нельзя согласиться! По сути, оно противоречит творческой деятельности самого Ф. Феллини, П. Пазолини, Ч. Чаплина и других, но наилучшим образом опровергают его три ипостаси В. Шукшина.

44 Rezoagli S. I contadini di Sciukscin // Avvenire. – Milano, 1978. – 8 lug. – P. 9.

45 Феллини Ф. Делать фильм. – М.: Искусство, 1984. – 287 с.

В известных русским и итальянцам циклах рассказов образы вылеплены по законам литературы, на экране – по законам киноискусства и прежде всего по законам оригинального художественного мышления автора, где неделимо присутствуют писатель и кинематографист. Его феномен заставляет вспомнить гегелевский постулат «Истинное есть целое»: ведь фильмы Шукшина рождаются из его рассказов, а режиссура – прямое и естественное продолжение его прозы.

Роман о Степане Разине, как известно, «вырастает» из киносценария. Не случайно деятели культуры многих стран говорят о «фильмовой прозе», «сценической прозе», «сценически-фильмовой выразительности» произведений Шукшина. Несомненно, литературная манера художника неотрывна не только от сказа как жанра и «театра одного актера», но и от видения мира кинематографистом.

Таким образом, все более входит Шукшин в сознание итальянцев как классик русского рассказа и русского кино – «*писатель-режиссер*», как блестящий продолжатель традиций, истинно народный талант, сказавший новое слово о русском характере. Он показал необозримое многообразие народной жизни как богатство

именно характеров и наивысшее проявление гуманизма. «Большой мастер рассказа, принадлежит к той категории режиссеров, которые заставляют человека забыть о том, что они находятся в зрительном зале», – проникновенно заметил К. Фракасси⁴⁶. Такова заветная мощь настоящего искусства.

Итальянская культурологическая мысль называет 60-е годы «гигантской пересменкой» (Дж. Буттофава), отмеченной приходом нового поколения режиссеров. Именно тогда формировалось на Западе «авторское кино», хотя на самом деле понятие «автора» восходит к классике советского киноискусства 20-х годов. Авторское кино 60-х и последующих десятилетий предстает временем поиска новых путей, открытий и находок.

Итальянские историки и теоретики культуры относят Шукшина к *талантливейшим представителям авторского кино*, фильмы которого не случайно становятся участниками многих международных фестивалей и получают первые призы. Особенно значим тот факт, что им ставился в свое время вопрос о правомерности существования, наряду с другими

национальными кинематографиями бывшего СССР, русского кино, о котором в Италии скажут, что «оно – целая галактика» (А. Сантуари).

Приход Шукшина в итальянскую культуру, органическое «врастание» его творчества в инонациональную духовную жизнь убедительно доказывает непреложную истину: художник, чтобы стать интернациональным на Западе и Востоке, должен быть, прежде всего, глубоко национальным. Авторское кино и книги режиссера-писателя Шукшина приходятся «ко двору» под воспетым небом Апеннин, где он вносит свой вклад в открытие современными итальянцами русского искусства и России.

Библиография

1. Бенедетти К. О Сибири и сибиряках // Иностранная литература. – 1982. – № 12. – С. 235-287.
2. Толстой Л.Н. Полн. Собр. соч.: В 90 т. Т. 61. – М., 1953. – 383 с.
3. Феллини Ф. Делать фильм. – М.: Искусство, 1984. – 287 с.
4. Шукшин В. Вопросы к самому себе. – М., 1981. – 256 с.
5. Bazzarelli E. A che serve l'eroe «positive»? // Corriere della sera. – Milano, 1978. – 26 febbr.

46 Fracassi C. Un racconto inedito di Vassili Sciukscin // Paese sera. – Roma, 1978. – 29 gen. – P. 3.

6. Benedetti C. Fu interprete fedele della vita Contadina // L'Unita. – Roma, 1974. – 4 ott.
7. Benedetti C. Nel film «Compaesani» l'eredita di Sciukscin // L'Unita. – Roma, 1975. – 13 sett.
8. Bernardini D. Il viburno rosso // Rassegna Sovietica. – Roma, 1978. – № 7.
9. Bozzolan U. Suksin, regista «ribelle» tra la compagna e la citta // La Stampa. – Torino, 1978. – 8 lug.
10. Bruzzone N. La personale di V. Sciukscin un grande regista sovietico // L'Unita. – Roma, 1978. – 16 febbr.
11. C.m.v. Il viburno rosso // Cinema e cinema. – Milano, 1978. – 21 apr.
12. Casiraghi U. Anche le telecamere varso al cinema // L'Unita, – Roma., 1980. – 15 giog.
13. Casiraghi U. Il ragazzo sibiriano con la macchina da pressa // L'Unita/ – Roma, 1978. – 8 lug.
14. Faccani R. Sborne e rise nei campi // Il Giorno. – Milano, 1978. – 19 mar.
15. Fracassi C. Ne l'uomo nuovo ne il'luon Ivan // Paese sera.–Roma, 1978.–8 lug.
16. Fracassi C. Un racconto inedito di Vassili Sciukscin // Paese sera. – Roma, 1978. – 29 gen.
17. Gandolfo G. I tradici irregolari dell'eterna Russia Contadina // Il Secolo. – Genova, 1978. – 2 mar.
18. Kezich T. Uomo tranquillo va controcorrente // La Repubblica. – Roma, 1978. – 8 lug.
19. Lo Gatto E. Il viburno rosso // Il Tempo. – Roma, 1978. – 20 mag.
20. Maraone E. Personaggi alla deriva tra citta e cjntado // Avvenire. – Milano, 1978. – 13 apr.
21. Mauro W. Vasilij Suksin e la persona umana // Il Popolo. – Roma, 1978. – 10 febbr.
22. Morandini M. Fuori campo: V. Suksin. Il viburno rosso // L'Europeo. – Milano, 1978. – 10 mar.
23. Morandini M. Sciukscin, il viburno che parlava alla luna // Le Giorno. – Milano, 1979. – 8 lug.
24. Padovani P. Gli antieroi del viburno rosso nella complessa realta sovietica // L'Ora. – Palermo, 1978. – 21 apr.
25. Paese sera. – Roma, 1978. – 8 lug.
26. Porro M. Sulsin il grande contadino // Corriere della sera. – Milano, 1978. – 8 lug.
27. Rezoagli S. I contadini di Sciukscin // Avvenire. – Milano, 1978. – 8 lug.
28. Šukšin un Ermanno Olmi // Il Tirreno. – Livorno, 1978. – 22 lug.
29. Šukšin V. Il viburno rosso // Il nuovo Ravennate. – Ravenna, 1978. – 3 febbr.
30. Tuttolibri. – Torino, 1978. – No. 3. – 28 gen.

31. Vidovich S. Il viburno rosso // Realta Sovietica. – Roma, 1978. – 8 lug.

32. Vitale S. Introduzione // Suksin V. Il viburno rosso. – Roma, 1978.

"A Talent of Noble Simplicity": V. Shukshin in Italian culture

Stopchenko Nikolay Ivanovich

Doctor of Cultural Studies, professor,

Southern Federal University,

P. O. Box 344006, Bolshaya Sadovaya str., 105, Rostov-on-Don, Russia;

e-mail: nikis.don@yandex.ru

Abstract

The article is dedicated to the perception of Shukshin's oeuvre in Italian culture, which made the first step into the history of world recognition of Russian filmmaker. He reached the consciousness of the Italians as a classic of Russian short stories and films, a "writer-director", a brilliant continuator of traditions, truly national talent, who showed a new dawn of the Russian character. Films – that is his brand identity – gave rise to a sustained interest to writer's legacy as well. A major éclat of the Master at numerous film festivals promoted an extensive retrospective show of all Shukshin's movies on national television in Italy (1978). His acting debut in "Dva Fedora" directed by Hutsiev, M. became a manifestation of sympathy and great respect for him. Whatever styles and images of his talent Shukshin appeared, nobody has been aloof. The imaginative, rich language producing an impression even in translating and transferring the wealth of the colorful folk speech, the national specific theme, plot, character and a way of thinking of the people, as well as a reflection of life, customs and traditions have always been an object of attention of the Italian cultural figures. National perception of the "Italian Shukshin" manifests in the address to the translucid humanism, to the Russian classical theme of a "little man" and image of rural life.

Keywords

Art films, writer and filmmaker, film prose, behavioral model, main event of the year, Siberian character, talent of noble simplicity.

References

1. Bazzarelli, E. (1978), "A che serve l'eroe "positive"?", *Corriere della sera*, Milano, 26 febr.
2. Benedetti, C. (1974), "Fu interprete fedele della vita Contadina", *L'Unita*, Roma, 4 ott.
3. Benedetti, C. (1975), "Nel film "Compaesani" l'eredita di Sciukscin", *L'Unita*, Roma, 13 sett.
4. Benedetti, K. (1982), "About Siberia and Siberians" ["O Sibiri i sibiryakakh"], *Inostr. literatura*, No. 12, pp. 235-287.
5. Bernardini, D. (1978), "Il viburno rosso", *Rassegna Sovietica*, Roma, No. 7. p. 21.
6. Bozzolan, U. (1978), "Suksin, regista "ribelle" tra la compagna e la citta", *La Stampa*, Torino, 8 lug.
7. Bruzzzone, N. (1978), "La personale di V. Sciukscin un grande regista sovietico", *L'Unita*, Roma, 16 febr.
8. Casiraghi, U. (1978), "Il ragazzo sibiriano con la macchina da pressa", *L'Unita*, Roma, 8 lug.
9. Casiraghi, U. (1980), "Anche le telecamere varso al cinema", *L'Unita*, Roma, 15 giog.
10. Faccani, R. (1978), "Sborne e rise nei campi", *Il Giorno*, Milano, 19 mar.
11. Fellini, F. (1984), *To do a movie [Delat' fil'm]*, Iskustvo, Moscow, 287 p.
12. Fracassi, C. (1978), "Ne l'uomo nuovo ne il'luon Ivan", *Paese sera*, Roma, 8 lug.
13. Fracassi, C. (1978), "Un racconto inedito di Vassili Sciukscin", *Paese sera*, Roma, 29 gen.
14. Gandolfo, G. (1978), "I tradici irregolari dell'eterna Russia Contadina", *Il Secolo*, Genova, 2 mar.
15. Kezich, T. (1978), "Luomo tranquillo va controcorrente", *La Repubblica*, Roma, 8 lug.
16. Lo Gatto, E. (1978), "Il viburno rosso", *Il Tempo*, Roma, 20 mag.
17. Maraone, E. (1978), "Personaggi alla deriva tra citta e cjntado", *Avvenire*, Milano, 13 apr.
18. Mauro, W. (1978), "Vasilij Suksin e la persona umana", *Il Popolo*, Roma, 10 febr.
19. Morandini, M. (1978), "Fuori campo: V. Suksin. Il viburno rosso", *L'Europeo*, Milano, 10 mar.

-
20. Morandini, M. (1979), "Sciukscin, il viburno che parlava alla luna", *Le Giorno*, Milano, 8 lug.
 21. Padovani, P. (1978), "Gli antieroi del viburno rosso nella complessa realta sovietica", *L'Ora*, Palermo, 21 apr.
 22. *Paese sera*, Roma, 1978, 8 lug.
 23. Porro, M. (1978), "Sulsin il grande contadino", *Corrierre della sera*, Milano, 8 lug.
 24. Rezoagli, S. (1978), "I contadini di Sciukscin", *Avvenire*, Milano, 8 lug.
 25. "S.m.v. Il viburno rosso", *Cinema e cinema*, Milano, 1978, 21 apr.
 26. Shukshin, V. (1981), *Questions to itself* [*Voprosty k samomu sebe*], Moscow, 256 p.
 27. "Šukšin un Ermanno Olmi", *Il Tirreno*, Livorno, 1978, 22 lug.
 28. "Šukšin V. Il viburno rosso", *Il nuovo Ravennate*, Ravenna, 1978, 3 febr.
 29. Tolstoi, L.N. (1953), *Complete Works: in 90 vols. Vol. 61* [*Poln. Sobr. coch.: V 90 t. T. 61*], Moscow, 383 p.
 30. *Tuttolibri*, Torino, 1978, No. 3, 28 gen.
 31. Vidovich, S. (1978), "Il viburno rosso", *Realta Sovietica*, Roma, 8 lug.
 32. Vitale, S. (1978), "Introduzione // Suksin V. Il viburno rosso", Roma, 338 p.